

З. И. ГЕРШКОВИЧ

Идейные связи русских и французских просветителей XVIII века

(Кантемир и Монтескье)

В первой половине 18 в. русско-французские культурные связи способствовали плодотворному идейному сотрудничеству передовых деятелей Франции и России в общей борьбе против реакционных сил феодальной Европы. В этой связи представляется своевременным исследование идейного содержания и характера отношений между Ш. Монтескье и А. Д. Кантемиром, положивших начало тесному и плодотворному сотрудничеству русских и французских просветителей*.

---

* До настоящего времени главное внимание исследователей было сосредоточено на том, чтобы собрать соответствующие свидетельства о связях между Монтескье и Кантемиром и доказать самое существование этих связей. Такой аспект исследования определялся тем, что ряд авторов, преимущественно зарубежных, выражал сомнение в существовании близких отношений между русским и французским просветителями. См., например, Lozinskij, G. *Le prince Antioche Cantemir — poète français* // *Revue des études slaves*. — Paris, 1925. — Т. 5. — Fasc. 3–4. P. 239, а также Mohrenschildt, D. S. *Russia in the intellectual life of eighteenth-century France*. — New York, 1936. P. 36–37. Сейчас, однако, для подобных сомнений нет никаких оснований. Наиболее обстоятельный анализ дошедших до нас свидетельств об отношениях Кантемира и Монтескье см. в статье: Алексеев, М. П. Монтескье и Кантемир // *Вестник Ленинградского университета*. — 1955. — № 6. — Серия общественных наук. — Вып. 2. — С. 55–78.

I

Труды Монтескье привлекали к себе внимание передовых деятелей русской культуры. Его основные сочинения были переведены на русский язык уже в 18 в.^{*} Первым, кто еще при жизни Монтескье посвятил себя благородной задаче ознакомления русского общества с прогрессивными идеями французского просветителя, был А. Д. Кантемир. Это подтверждается биографом Кантемира — его итальянским другом Октавианом Гуаско^{**1}. Перечисляя переводные труды Кантемира, биограф упоминает в числе других и «Персидские письма» Монтескье^{***}. К сожалению, этот перевод не был опубликован и до нас не дошел (по крайней мере, не обнаружен до настоящего времени). Тем не менее, самый факт осуществления Кантемиром указанного перевода не вызы-

* Первые издания переводов основных сочинений Монтескье в России: Размышления о причинах величества римского народа и его упадка / С франц. пер. А. Поленовым. СПб., 1769; Лисимах. — Разговор Силлы с Евкратом. — Опыт о вкусе // Из соч. г. Монтескиэ / Пер. С. Башилов. СПб., 1769; О разуме законов. Сочинение господина Монтескиюя / Пер. с франц. В. Крамаренковым. — Т. 1. — СПб., 1775; Персидские письма. Из сочинений г. Монтескию / Пер. с франц. СПб., 1789.

** Биографический очерк Гуаско был опубликован без подписи автора в 1749 г. и предпослан французскому изданию сатир Кантемира (см.: *Vie du prince Antiochus Cantemir // Satyres de Monsieur le prince Cantemir. Londres, 1749. P. 7–142*). Ряд исследователей, в том числе В. Я. Стоюнин, считали, что автором этого очерка является аббат Венути (см.: Кантемир, А. Д. Сочинения, письма и избранные переводы. — Т. 1. — СПб., 1867. — С. XVI). Ошибка эта получила широкое распространение. Она проникла в «Историю русской общественной мысли» Г. В. Плеханова и др. труды. Встречается она и в работах самого последнего времени (см., например, статью: Коган-Бернштейн, Ф. А. Влияние идей Монтескье в России в XVIII веке // *Вопросы истории*. — 1955. — № 5. — С. 101). Между тем, авторство Гуаско бесспорно устанавливается из писем Монтескье к Гуаско, Венути и др. итальянским друзьям французского мыслителя (см.: Montesquieu, Ch. L. *Oeuvres complètes. Paris, 1838*, или первоначально: Montesquieu, Ch. L. *Lettres familières. Rome, 1767*), а также из биографии Гуаско, написанной Дасье (Dacier. *Eloge de m. l'abbé de Guasco // Histoire de l'Académie des inscriptions et belles-lettres. — Т. 45. — Paris, 1793. — P. 186–195*). Октавиан Гуаско (1712–1787) был членом французской Академии, Лондонского Королевского общества и Берлинской Академии наук.

*** *Satyres de Monsieur le prince Cantemir. — Londres: Chez Jean Nourse, 1749. — P. 141* (в дальнейшем: *Satyres*)..

вает никаких сомнений^{*} и, как можно убедиться из дальнейшего, имеет важное значение для понимания мировоззрения русского просветителя.

Наиболее вероятно, что Кантемир начал переводить сочинения Монтескье в бытность свою русским чрезвычайным послом, а затем полномочным министром во Франции (1738–1744). Именно в эти годы он лично познакомился с Монтескье, сблизился с кружком французских философов и литераторов, группировавшихся вокруг Монтескье, сам стал активным участником этого кружка. Эти личные связи несомненно усилили интерес Кантемира к трудам французского мыслителя^{**} и послужили одним из стимулов, побудивших русского просветителя заняться переводом «Персидских писем» на русский язык^{***}.

Однако перевод «Персидских писем» не следует рассматривать как простое литературное упражнение, предпринятое в силу личных симпатий без определенных практических намерений и целей. Лишь полная убежденность в плодотворном значении этого произведения для русского общества, основанная на сочувствии основным идеям Монтескье, могла заставить Кантемира осуществить указанный перевод. Имеются ли основания утверждать, что Кантемир действительно разделял социальные воззрения Монтескье, что между русским и французским мыслителями-просветителями существовало единомыслие в этом отношении? Поскольку прямых оценок и суждений Кантемира о Монтескье и его произведении не сохранилось^{****}, необходимо прибегнуть к

---

* Для суждения о точности и авторитетности сообщения первого биографа Кантемира следует учесть то обстоятельство, что Гуаско был очень близок к Кантемиру и превосходно осведомлен о литературных занятиях последнего. К тому же нужно принять во внимание, что Гуаско был в дружественных отношениях и с Монтескье. Столь важный факт, касающийся взаимоотношений обоих его друзей, как перевод Кантемиром «Персидских писем» Монтескье, был, несомненно, известен Гуаско.

** В описи книг, оставшихся после смерти Кантемира (1744), значатся основные произведения Монтескье, выпущенные к тому времени в свет: «Lettres persanes» (Londres, 1735) и «Considération sur les causes de la grandeur des Romains et de leur décadance» (Amsterdam, 1734). См.: Александренко, В. Н. К биографии князя А. Д. Кантемира. — Варшава, 1896. — С. 30 и 26.

*** О парижских связях А. Кантемира см.: Ehrhard, M. Le prince Cantemir à Paris (1738–1744). — Paris, 1938.

**** Ф. А. Коган-Бернштейн в упомянутой статье утверждает, что «...горячий интерес Кантемира к концепции Монтескье явствует из его отзывов о новых

косвенным данным и установить, в каком отношении находятся воззрения Кантемира к тем идеям, какие нашли отражение в переведенном им сочинении Монтескье.

Если обратиться к существующей литературе о Кантемире, то неизбежно создается впечатление, будто русский просветитель должен был отнестись к политической концепции Монтескье резко отрицательно. Согласно традиции, начало которой было положено буржуазно-дворянскими исследователями, Кантемир характеризуется обычно как убежденный защитник абсолютизма, на деле доказавший свою приверженность самодержавному принципу правления в России, особенно в период воцарения Анны Ивановны. Приходится признать, что в свете такой трактовки политической позиции Кантемира в высшей степени странным и нелогичным представляется тот факт, что Кантемир вообще взялся за перевод «Персидских писем» Монтескье — произведения, открыто бичующего абсолютизм. Вероятно, именно потому, что этот факт противоречил указанному взгляду, буржуазно-дворянские исследователи предпочитали умалчивать о нем, а если и упоминали, то лишь вскользь, не придавая ему серьезного значения.

Между тем, то обстоятельство, что Кантемир перевел «Персидские письма», принципиально важно для понимания идейно-политической позиции русского просветителя. Впервые это отметил Плеханов, посвятивший анализу мировоззрения Кантемира значительное место в «Истории русской общественной мысли»*. Плеханов справедливо отметил идейную близость

взглядах Монтескье на научную историографию после того, как он ознакомился с работой Монтескье «Рассуждение о причинах величия и упадка римлян»² (1734) (Вопросы истории. — 1955. — № 5. — С. 101–102). Утверждение это основано на недоразумении. В свое время Л. В. Пумпянский, ссылаясь на отрицательное мнение Кантемира об «Истории Карла XII» Вольтера³, высказал предположение, что это мнение «объясняется тем, что он (т. е. Кантемир — З.Г.) усвоил от Монтескье новые взгляды на научную историографию» (XVIII век. — Т. I. — М.; Л., 1935. — С. 100). Однако прямых отзывов Кантемира о Монтескье и его взглядах до нас не дошло.

* В отличие от буржуазно-дворянских исследователей, Плеханов, в частности, придавал большое значение самому факту перевода Кантемиром сочинения Монтескье: «Что наш член “ученой дружины” не остался равнодушным к тому, что происходило тогда в передовых литературных кругах Франции, показывается сделанным им переводом вышедших еще в 1721 г. “Персидских писем” Монтескье» (см.: Плеханов, Г. В. Сочинения. — Т. 21. — М.; Л., 1925. — С. 97).

Кантемира к автору «Персидских писем», к передовым представителям тогдашней Франции. Однако этот правильный подход связан у Плеханова с рядом неверных утверждений. Так, по его мнению, сближение воззрений Кантемира с воззрениями Монтескье произошло исключительно под влиянием идейно-политической атмосферы Парижа, где Кантемир провел последние шесть лет своей жизни. Конечно, и личные связи, и идейный контакт с выдающимся деятелем раннего французского Просвещения, несомненно, сыграли важную роль в развитии мировоззрения Кантемира. Однако все это не могло иметь решающего значения.

Главный фактор, определивший эволюцию философских и политических взглядов Кантемира, заключался в воздействии социальных условий русской действительности. Несмотря на длительное пребывание за границей — сначала в Англии (1732–1738), затем во Франции (1738–1744) — Кантемир внимательно следил за всеми событиями внутренней жизни России, поддерживая оживленную переписку со многими лицами⁴. Именно изменения, совершившиеся в социально-политической жизни России, при учете, разумеется, и тех впечатлений, которые Кантемир получал, живя за границей, объясняют нам сложный и во многом противоречивый процесс эволюции его политического сознания.

Как известно, начало общественной, политической и литературной деятельности Кантемира относится к самому концу 20-х гг. 18 в. Мировоззрение Кантемира формировалось в эпоху царствования Петра I. Воспитанный на идеалах этой эпохи, воспевая «по влечению сердца... правительственные и общественные реформы Петра»*, Кантемир выступил решительным поборником петровских начинаний в то время, когда эти последние всячески дискредитировались и разрушались олигархической кликой Верховного тайного совета, фактически осуществлявшей власть в царствование малолетнего Петра II. На рубеже 20 и 30-х гг. 18 в. политическая ситуация в России сложилась таким образом, что силы реакции боролись за ограничение самодержавной власти, тогда как более дальновидные представители правящего класса отстаивали принцип абсолютизма, по крайней мере, в том виде, в каком он осуществлялся при жизни Петра I. За восстановление самодержавия активную борьбу вел и Кантемир. Вместе с Феофаном Прокоповичем и Василием Татищевым Кантемир сыграл

---

* Добролюбов, Н. А. Избранные сочинения. — М.; Л., 1947. — С. 42.

выдающуюся роль в февральских событиях 1730 г.⁵, приведших к ликвидации «затейки» «верховников», к «раздранию кондиций» Анной Ивановной и восстановлению самодержавного правления в России.

Имеются некоторые данные, свидетельствующие о том, что уже в этот период Кантемир отнюдь не был принципиальным сторонником абсолютизма вообще, а выступил с его защитой из тактических соображений, так как полагал, что всякое ограничение самодержавной власти в тех условиях было на руку «верховникам». Гуаско — несомненно со слов Кантемира — указывает, что последний выступил против «верховников» «не потому, что он был сторонником деспотизма». Отмечая далее, что Кантемир высоко ценил «свободу между людьми», биограф утверждает, что в сложившихся тогда условиях Кантемир считал более целесообразным сохранить существующий порядок, т. е. самодержавное правление*. Этот факт, а также другие сведения** дают основание полагать, что Кантемир еще до отъезда из России вовсе не был тем безусловным и безоговорочным апологетом абсолютизма, как его изображают многие исследователи.

Дальнейшее развитие политических событий в России могло только укрепить в Кантемире критическое отношение к абсолютистскому строю. Уже в 1730–1731 гг. Кантемир убедился в том, что царствование Анны Ивановны, обернувшееся деспотизмом и жестоким самодурством бироновщины, еще более усугубило разрыв с преобразовательскими тенденциями начала века.

Вопреки голословному утверждению многих исследователей, будто в последний период жизни Кантемира якобы наметился заметный «спад» обличительного пафоса сатирика, произошло «поправление» его философских и политических взглядов***, де-

---

* Satyres. — P. 47–48.

** Как раз в период борьбы с «верховниками» в России объявилось немало сторонников конституционного строя. Об этом можно судить по ряду проектов, ходивших тогда по рукам (см.: Корсаков, Д. А. Воцарение императрицы Анны Иоанновны. — Казань, 1880). Заметим, что Кантемир был сторонником группы, возглавлявшейся А. М. Черкасским и выдвинувшей «конституционный» проект. Только под влиянием сложившихся обстоятельств в борьбе с «верховниками» он, как и вся группа, выступил в поддержку самодержавия.

*** Подобной точки зрения придерживались до революции А. Шалыгин, Т. Глаголева и другие либеральные и консервативные авторы. В этом же духе трактует эволюцию мировоззрения Кантемира и современная француз-

ло обстояло как раз наоборот: по мере обострения социальных противоречий русской действительности, достигших особой напряженности в эпоху бироновщины, политические взгляды Кантемира приобретали более радикальный характер, а критика общественных пороков, выросших на почве абсолютистских порядков, становилась все более глубокой и разящей.

Детальный анализ творческой истории знаменитых сатир Кантемира свидетельствует о том, что в окончательном их тексте, оформившемся к началу 1743 г., позиция Кантемира стала более прогрессивной и боевой. Так, в окончательной редакции своих сатир Кантемир значительно определеннее проводит идею естественного равенства людей. Прежде речь шла лишь о равенстве «знатных» и «незнатных» без дальнейшей конкретизации социального положения; теперь Кантемир уже прямо говорит о естественном равенстве дворянина (и вообще свободного) с «холопом», вплотную приближаясь к теории естественного равенства Монтескье⁶.

В эпоху бироновщины положение крестьян стало совершенно невыносимым. Не выступая в принципе против крепостнической системы, Кантемир, как один из наиболее прогрессивных деятелей своего времени, не мог остаться равнодушным к страданиям «холопов» и поднял свой голос в защиту народа. Именно в окончательной редакции сатир появились знаменитые стихи, в которых Кантемир, исходя из своей концепции естественного равенства, выразил решительный протест против жестокого обращения с крепостными:

Бедных слезы пред тобой льются, пока злобно
Ты смеешься нищете; каменный душою
Бьешь холопа до крови, что махнул рукою
Вместо правой — левою (зверям лишь прилична
Жадность крови; плоть в слуге твоей однолична)*.

ская исследовательница И. Эрар (Ehrhard, M. *Le prince Cantemir à Paris (1738–1744)*. — Paris, 1938. — P. 207). К сожалению, некоторые советские исследователи восприняли эту неверную концепцию. В частности, Л. В. Пумпянский, различая в творчестве Кантемира «два отчетливо несходных периода», отмечал, что во второй, «заграничный» период «произошло и несомненное понижение уровня его (Кантемира — З.Г.) политической мысли» (*История русской литературы*. — Т. 3. — М.; Л., 1941. — С. 205).

* Кантемир, А. Д. *Собрание стихотворений*. — Л., 1956. — С. 75. См. в примечаниях к этому изданию характеристику творческой истории сатир.

С особой силой Кантемир обрушивается на систему фаворитизма, принявшую в эпоху бироновщины наиболее отвратительные формы. Целясь непосредственно во временщиков, он фактически направляет свои сатирические стрелы выше и задевает не названных, но подразумеваемых носителей верховной власти в России, определяющих своим произволом выбор «людей в случае». В окончательной редакции сатир Кантемир гораздо резче, чем в первоначальной, нападает на попов, на церковные порядки и религиозные предрассудки.

Таким образом, в более поздних произведениях Кантемира наблюдался подъем обличительного пафоса. Эволюция социально-политических взглядов Кантемира совершалась в прогрессивном направлении, причем решающим фактором этой эволюции было воздействие тех общественных изменений, какие происходили в России в 30 – начале 40-х гг. 18 в.

Пребывание за границей дало Кантемиру, дополнительно к наблюдениям над русской жизнью, богатейший материал для сравнения различных форм политической власти. Результаты этого сравнения оказались не в пользу абсолютистского режима. По свидетельству Гуаско, Кантемир отдал свои политические симпатии конституционному принципу в духе английского парламентарно-монархического строя. «Он всегда считал, — писал Гуаско, — что лучшей формой правления является монархия, ограниченная аристократией. Его восхищала Англия, где парламент сдерживает власть монарха в определенных границах и не позволяет ей подняться выше законов и защищает подданных от печальных последствий единовластия»^{*}.

Характерно, что все высказывания Кантемира о политических нравах, господствовавших в абсолютистской Франции 30–40-х гг. 18 в., имеют отрицательный характер^{**}. Неслучайно государственные деятели тогдашней Франции (кардинал Флери⁸, Амело⁹ и др.) весьма неприязненно относились к Кантемиру, ставя ему в вину его «англофильство». Но подобным же «англофильством» страдали Монтескье, Вольтер и другие просветители, навлекая

---

^{*} Satyres. — P. 48.

^{**} Из осторожности Кантемир ни в своей служебной переписке, ни в оригинальных литературных трудах старался не выдавать своих политических симпатий. Однако в частных письмах он был более откровенным (см., например, письмо к г-же Монконсель⁷ от 1 января 1738 г.).

на себя гнев французских правителей. Известно, например, что вскоре после выхода в свет вольтеровских «Философских писем» (1733)¹⁰, в которых знаменитый просветитель описывает свои впечатления об Англии, сочинение это было во Франции приговорено к сожжению, а автору пришлось спасаться бегством в Голландию.

Следует отметить, что для Кантемира, как и для Монтескье, дело в конечном счете сводилось не к абстрактным рассуждениям о преимуществах того или иного принципа государственной власти. Их гораздо больше интересовали реальные, практические последствия соответствующего правления для судьбы страны, нации. Вот почему противник абсолютизма Монтескье в «Персидских письмах» восхищался Петром I, видя в нем образец «просвещенного» монарха, а Кантемир, выражавший свои симпатии конституционному строю, прославлял Петра и ставил его деятельность в пример потомкам. «Был тот труд корень нашей славы», — писал Кантемир в своей седьмой сатире, оценивая реформы Петра I. Не исключено, что характеристика исторической роли Петра I, которую дает Монтескье в «Духе законов», навеяна, в частности, беседами с Кантемиром. Последний, по словам его биографа, горячо восхвалял в кругу своих французских друзей деяния Петра I*.

Практически концепция «просвещенного абсолютизма» мало чем отличалась от концепции конституционно-монархического строя, и обе они вполне уживались не только в сознании Монтескье и Кантемира, но и других деятелей просвещения 18 в. (Вольтер и др.). Характерно, что идеал «просвещенного» монарха, нарисованный Кантемиром, совершенно совпадает с тем идеализированным образом, который создавали в своих сочинениях французские просветители, в частности Монтескье. Гуаско утверждал, что, по мнению Кантемира, в политике не должно быть другой цели, кроме заботы о счастье людей, а монарх должен служить отцом для народа. «Интересы государя и народа должны всегда совпадать»**. Нет нужды доказывать, на-

---

* Это подтверждается и письмами Кантемира к его французским друзьям. Так, в письме к г-же Монконсель он писал, что «мы, русские, вечно будем чтить память Петра Великого за то, что он извлек нас из унижительного мрака и вывел на путь славы» (см.: Майков, Л. Н. Материалы для биографии кн. А. Д. Кантемира. СПб., 1903. — С. 71–72).

** Satyres. — P. 111.

сколько созданный в воображении Кантемира идеал правителя далек от действительности. Но иллюзии, которые питал на этот счет русский просветитель, разделяли и самые передовые умы Франции того времени.

Именно общность взглядов и политических устремлений русского и французского мыслителей повлияла на решение Кантемира перевести на русский язык «Персидские письма» Монтескье, поскольку в этом произведении Кантемир нашел много созвучного своей собственной идейной и творческой позиции. Обличая язвы русской общественной жизни второй четверти 18 в., Кантемир видел в авторе «Персидских писем» союзника по борьбе с теми же «злонравиями», какие, при всех различиях в конкретной форме проявления, были сходными порождениями одной и той же социальной почвы — абсолютистских порядков во Франции и России.

Просветительская деятельность Кантемира воодушевлялась высоким сознанием гражданского долга. «Все, что я пишу, — заявлял он, — пишу по должности гражданина, отбивая все то, что согражданам вредно быть может»*. Справедливость этих слов распространяется не только на оригинальные, но и на переводные труды Кантемира и, в первую очередь, на перевод «Персидских писем» Монтескье.

II

Сатиры Кантемира представляют собой замечательное выражение национального и культурного самосознания передовой части русского общества второй четверти 18 в. В них глубоко и верно отразилась целая историческая эпоха с ее общественной борьбой, социальными противоречиями, с ее бытовыми чертами и культурными особенностями. Называя Кантемира одним из самых интересных писателей России, Белинский¹¹ мотивировал эту характеристику тем, что творчество сатирика говорило ему «не о заоблачных превыспренности по случаю площадных иллюминаций, а о живой действительности, исторически существовавшей, о нравах общества, которое так не похоже на наше общество, но которое было ему родным дедушкой»**.

---

* Кантемир, А. Д. Собрание стихотворений. — Л., 1956. — С. 369.

** Белинский, В. Г. Полное собрание сочинений. — Т. 9. — СПб., 1910. — С. 201.

Кантемир был, однако, непростым бытописателем или нравописателем эпохи. Тот же Белинский отмечал, что «Кантемир в своих стихах... публицист»*. Произведения Кантемира, особенно его сатиры, были острейшим оружием в политической и идеологической борьбе послепетровской эпохи. Будучи одним из наиболее прогрессивных деятелей своего времени, Кантемир ополчался, как мы видели, против тех проявлений узкого своекорыстия господствующего социального слоя, которые шли в разрез с национальными интересами страны, препятствовали укреплению могущества России, подъему нравственного и культурного сознания русского народа.

Несмотря на то, что своими сатирами Кантемир субъективно стремился «исправлять» злые нравы «дворянского сословия», чтобы укрепить его позиции, объективно обличения сатирика способствовали подрыву этих позиций, содействовали развитию в русской общественной мысли и литературе социальной критики, направленной против господствующего сословия и созданного им общественно-политического строя. Именно с Кантемира начинается та сатирически-обличительная линия русской литературы и общественной мысли, которую Горький назвал «великолепнейшей» и наиболее социально-плодотворной**.

Сознавая общественное значение созданных им сатир, Кантемир стремился как можно шире распространить их среди читателей***.

Еще до отъезда за границу он составил сборник, включив в него наряду с другими произведениями пять сатир, снабженных специальным предисловием и авторским комментарием. Однако опубликовать этот сборник Кантемиру не удалось. Это обстоятельство, однако, не помешало широкому распространению сатир: в десятках, если не в сотнях списков они расходились по всей России****.

---

* Там же. — С. 195.

** Горький, М. История русской литературы. — М., 1939. — С. 25, 72.

*** Уже первую свою сатиру — «На хулящих учение» (1729) — Кантемир пустил по рукам в списках, скрыв имя автора под криптонимом К. А. К. (см., например, рукописные сборники, хранящиеся в рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде под шифрами: F. XIV, № 70; Q, XIV, № 22; Соф., № 1563 и др.).

**** О широком распространении сатир Кантемира в то время среди читателей говорит тот факт, что к нашему времени только в рукописных хранилищах

Вторую попытку издать свои сатиры Кантемир предпринял в 1740 г. Находясь в Париже, он надеялся при посредстве петербургского академика Христиана Гросса¹², своего бывшего учителя в «нравственной философии», получить разрешение у правящих кругов России на издание сборника сатир. Расчет Кантемира основывался на том, что Хр. Гросс был воспитателем детей А. Остермана¹³ и мог через последнего выхлопотать благоприятное решение Анны Ивановны. Однако и эта попытка издать сатиры оказалась безуспешной. В том же 1740 г. Кантемир предпринял еще одну попытку напечатать сатиры. Уцелевшие отрывки рукописи, хранящиеся среди автографов Кантемира в Государственной публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, представляют несомненные доказательства того, что Кантемир составил новый сборник своих поэтических произведений, намереваясь уже при содействии Н. Трубецкого¹⁴ добиться их издания. Но и на этот раз дело окончилось неудачей.

После воцарения Елизаветы Петровны (1741 г.) Кантемир, на первых порах связывавший с этим событием надежду на возрождение петровских традиций, вновь принялся хлопотать об издании своих сатир. Однако заветному стремлению Кантемира опубликовать сатиры и на этот раз не суждено было осуществиться. Таким образом, многократные настойчивые попытки Кантемира издать свои сатиры в России не увенчались успехом. Самодержавная власть не разделяла мнения Кантемира относительно благотельного значения сатирических обличений и меньше всего стремилась содействовать их распространению среди «сограждан» автора. Незадолго до смерти Кантемир решился перевести свои сатиры на итальянский язык и осуществил этот перевод совместно с Октавианом Гуаско. Однако и этот перевод не был опубликован при жизни автора.

После смерти Кантемира (1744 г.) в кружке близких к Монтескье* и Кантемиру лиц возникла идея увековечить память русского мыслителя, поэта и дипломата изданием французского

Москвы и Ленинграда, по неполным данным, сохранилось около полусотни списков. Сатиры в этих списках представлены в так называемой «первоначальной» редакции. Рукописные сборники, содержащие сатиры Кантемира, выявлены исследователями также в хранилищах Киева, Калинина, Нежина и др. городов.

* Узнав о смерти Кантемира, Монтескье в письме к Гуаско от 1 августа 1744 г. выразил свое искреннее соболезнование, заметив, что «России не легко

перевода его сатир. Непосредственное участие в осуществлении этого издания приняли Гуаско, г-жа Д'Эгийон¹⁵, Демоле*, ряд других лиц и, наконец, сам Монтескье. По инициативе и при поддержке Д'Эгийон** Гуаско взялся за перевод сатир своего русского друга на французский язык. Для этой цели был использован итальянский перевод сатир, выполненный Гуаско в сотрудничестве с Кантемиром¹⁶.

Менее чем через год после смерти русского сатирика прозаический перевод его сатир на французский язык был готов к изданию***. Переводу было предпослано подробное жизнеописание покойного сатирика, составленное Гуаско. Начались поиски издателя. Здесь важную роль сыграл Монтескье, который, по просьбе Гуаско, выяснял имеющиеся на этот счет возможности. В письме к Гуаско, относящемся к 1746 г., Монтескье сообщал, что по его просьбе Демоле нашел издателя, который согласен издать сатиры, т. к. уверен в их сбыте. Выражая надежду на то, что издание сатир обессмертит имя Кантемира, Монтескье писал Гуаско: «Ваш друг умер, но я утешаю себя тем, что автор еще живет»****. Благодаря содействию Монтескье и его друзей сатиры Кантемира увидели свет. Первое издание сатир Кантемира в переводе на французский язык вышло в 1749 г. Через год вышло второе издание*****.

будет найти посла, одаренного достоинством князя Кантемира» (см.: *Lettres familières*. — P. 29).

* Демоле (Desmolets) — библиотекарь и издатель, друг Монтескье. Издал «Персидские письма» и ряд других сочинений.

** См.: *Lettres familières*. — P. 53–54. — Прим. 2, из которого явствует, что посвящение А Madame***, открывающее французское издание сатир Кантемира, обращено к Д'Эгийон.

*** Об этом можно судить потому, что упомянутое посвящение к французскому изданию датировано 1 февраля 1745 г. (см. *Satyres*. — P. 6).

**** *Lettres familières*. — P. 59.

***** Имеются основания полагать, что оба издания вышли не в Лондоне (как указано на титульных листах), а соответственно в Голландии и в Париже. Так, по крайней мере, сообщается в примечании к одному из писем Монтескье (см. *Lettres familières*. — P. 59). Авторитетность этого сообщения подтверждается тем, что оно принадлежит самому Гуаско, который собрал, прокомментировал и издал «*Lettres familières*» Монтескье (см.: *Histoire de l'Académie des inscriptions et belles-lettres*. — Т. 45. — Paris, 1793. — P. 193). Разумеется, никто лучше Гуаско не мог знать, где именно вышли подготовленные им издания сатир Кантемира.

Принимая во внимание чисто коммерческий подход издателей к подобному рода изданиям, следует заключить, что первое издание имело успех и быстро разошлось, иначе вряд ли издатели рискнули бы предпринять второе издание. Французские издания послужили источником для перевода сатир Кантемира на немецкий язык. В 1752 г. в Берлине вышел их вольный стихотворный перевод, выполненный Шпилькером*¹⁷.

Таким образом, в течение трех лет сатиры Кантемира вышли тремя изданиями на двух европейских языках. Для середины 18 в. подобный факт — несомненное свидетельство крупного общественно-литературного успеха. Один из зачинателей русской литературы и общественной мысли нового периода Кантемир благодаря изданию своих сатир приобрел европейскую известность. Причина этого явления кроется не в чисто литературных, художественных достоинствах сатир. Дело в том, что поэтические качества произведений Кантемира, их колоритный язык и своеобразный стиль, разумеется, не могли в полной мере сохраниться в прозаическом французском переводе, сделанном к тому же не с оригинала, а с итальянского перевода**. Тем более это справедливо в отношении немецкого перевода. Хотя Шпилькер и возвратил переведенным сатирам стихотворную форму, но его перевод был еще дальше от оригинала, чем французский текст, послуживший источником для немецкого переводчика.

Широкому распространению сатир Кантемира в Европе способствовали, главным образом, их содержание, их идейно-политическая направленность. Насыщенные острой критикой различных пороков и язв, свойственных феодальному обществу, эти сатиры оказались весьма эффективным идейным оружием для передовых сил тех европейских стран (Франция, Пруссия), в которых так же, как в России, еще господствовали абсолютистские порядки. Сатиры Кантемира влились в общий поток европейской просветительской литературы середины 18 в., служившей мощным идейным тараном, направленным против политической и идеологической реакции того времени. Только

---

* Heinrich Eberhards Freyherrn von Spilcker. Freye Uebersetzung der Satyren des Prinzen Kantemir. — Berlin, 1752.

** Следует при этом учесть, что перевод сатир Кантемира был первым литературным опытом Гуаско на французском языке (см.: Histoire de l'Académie des inscriptions et belles-lettres. — Т. 45. — Paris, 1793. — P. 189).

в этой связи становится понятным, почему Монтескье — один из самых выдающихся просветителей 18 в. — содействовал изданию этих сатир, их широкому распространению среди французских читателей. Если близость общественно-политических взглядов Монтескье и Кантемира решающим образом повлияла на то, что русский мыслитель взялся за перевод замечательных «Персидских писем», то та же идейная общность, в свою очередь, определила и поддержку, какую Монтескье оказал задуманному изданию сатир русского просветителя.

Но французскому мыслителю и его друзьям косвенно пришлось сыграть важную роль в распространении сатир Кантемира и в России. В то время как в Западной Европе произведения русского сатирика выдержали три издания, в России сатиры Кантемира продолжали распространяться только в рукописях. Но они, конечно, не могли заменить печатного издания. Потребовалось признание и «апробация» Европы, чтобы русские правительственные круги через 18 лет после смерти сатирика разрешили напечатать его сочинения. При этом одним из главных аргументов, заставивших тогдашнего президента Академии наук графа Разумовского¹⁸ дать это разрешение, явилось то, что «... Кантемировы сочинения на разных иностранных языках давно уже в свет изданы, а российские любители наук поныне принуждены оные один у другого списывать и то с недостаточных и погрешностями наполненных копий...»*.

В 1762 г. «при Академии наук» вышло, наконец, первое русское издание сатир и других произведений Кантемира. Таким образом, инициатива Монтескье и его друзей не только привела к изданию сатир Кантемира во Франции и Германии, но и содействовала их первой публикации на родине сатирика.

Приведенные выше данные свидетельствуют о том, что взаимодействие культур французского и русского народов имеет давние традиции и глубокие корни. Обмен духовными ценностями, совершавшийся на протяжении веков, способствовал взаимному обогащению обеих наций, их сближению и более глубокому взаимопониманию.

* Пекарский, П. История Академии наук в Петербурге. — Т. 1. — Спб., 1870. — С. 656.

³ *Либаний, или Ливаний* (314–393) — крупнейший позднеантичный ритор, представитель младшей софистики, один из учителей Иоанна Златоуста, схолярх (руководитель риторической школы) в Антиохии.

⁴ Политическое завещание, или Принципы управления государством» (1637–1642) было написано кардиналом Ришелье для Людовика XIII.

⁵ Ср.: *L'esprit, dit Aristote, vieillit comme le corps.* (Книга 5, глава VII).

IV. РУССКИЕ СВЯЗИ МОНТЕСКЬЕ

З. И. Гершкович

Идейные связи русских и французских просветителей 18 века (Кантемир и Монтескье)

Печатается по: Гершкович, З. И. Идейные связи русских и французских просветителей 18 века (Кантемир и Монтескье) // Вестник истории мировой культуры. — 1959. — № 4. — С. 120–129.

Впервые опубликовано: *Кавелин К. Д.* Политические призраки. Верховная власть и адми., 1898. С. 927–994.

¹ *Октавиан Гуаско* — см. примеч. 6 к статье Н.Ю. Плавинской.

² «Рассуждение о причинах величия и упадка римлян» (1734) — сочинение Монтескье, с которым связано рождение его исторического метода. Обращаясь к конкретному историческому материалу, Монтескье пишет не столько историю Рима, сколько философское рассуждение о механизмах истории вообще. Полемизируя с идеями провиденциализма, Монтескье отрицает, что Бог является движущей силой истории, и утверждает наличие объективных причин исторических процессов. Отталкиваясь от истории Рима, Монтескье стремится выявить универсальные законы Истории, применимые к любой эпохе и любой стране. Факт существования таких исторических закономерностей делает возможным извлечение уроков из прошлого в настоящем. В частности Монтескье предостерегает современных ему политиков против стремления к тому типу гегемонии, который был достигнут Римом (поскольку он неминуемо влечет к распаду государства), тем самым выступая против традиции восхваления величия Рима, сложившейся в исторической науке.

³ «История Карла XII» — первое крупное историческое сочинение Вольтера. Впервые было опубликовано в 1731 г., в последующие издания вносились изменения и прибавления. Кантемир был одним из первых русских читателей этого сочинения, при этом недоброжелательно замечал, что это «роман, а не история», а сам автор в большинстве его сочинений кажется ему «человеком, который притязает на то, чтобы писать о том, чего не понимает» (из письма от 29 ноября 1736 г. к маркизе Монконсель,

из Лондона. Опубликовано в: Майков, Л. Н. Материалы для биографии Кантемира. — СПб., 1903. — С. 64).

⁴ Помимо официальных реляций, Кантемир поддерживает частную переписку с дипломатическими и научными кругами России, в частности с Петербургской Академией наук. В числе его корреспондентов — А. И. Остерман, И. Э. Бирон, К. фон Бреверн, А. Г. Головкин, П. И. Ягужинский, Н. Ю. Трубецкой, А. А. Вешняков, архиепископ Ф. Прокопович, А. М. Черкасский, И. А. Корф, И. Д. Шумахер, Н. И. Делиль, И. Ильинский, В. Н. Татищев, А. К. Нартов, Х. Гросс и др.

⁵ Февральские события 1730 г. — неудавшаяся попытка членов Верховного тайного совета, состоявшего преимущественно из представителей княжеских фамилий Долгоруких и Голицыных, ограничить самодержавную власть в свою пользу. Потребовав от Анны подписания так называемых «Кондиций», верховники преследовали цель овладеть реальной властью в России, оставив за императрицей лишь представительские функции. С подписанием «Кондиций» перед Россией открывалась перспектива превращения в конституционно-аристократическую монархию. Осуществлению «заговора верховников» и воплощению в жизнь проекта установления ограниченной монархии в России помешало вмешательство группы дворян, подавших челобитную о восстановлении самодержавия. Текст челобитной был составлен и прочитан перед императрицей Анной молодым князем А. Д. Кантемиром. В результате этого вмешательства Анна надорвала «Кондиции», тем самым вновь утвердив самодержавную традицию.

⁶ Теория естественного равенства Монтескье — Монтескье исходит из тезиса о равенстве всех людей по праву рождения, независимо от религиозной, расовой принадлежности, разницы полов. Концепт естественного равенства развит главным образом в трактате «О духе законов»: «В природном состоянии люди рождаются равными, но они не могут сохранить этого равенства: общество отнимает его у них, и они вновь становятся равными лишь благодаря законам» (кн. VIII, гл. 3); «Так как все люди рождаются равными, то следует сказать, что рабство противно природе» (кн. XV, гл. 7).

⁷ *Сесиль-Терез-Полин Риу де Кюрзе, маркиза де Монконсей* (1707–1787) — фрейлина королевы Франции Марии Лещинской, супруги Людовика XV. Кантемир был завсегдаем салона маркизы де Монконсей, с которой познакомился в свой первый визит в Париж в 1736 г. В его переписке с маркизой, бывшей хорошо осведомленной в международных делах, важное место занимала политика. Осведомленность маркизы объясняется ее близкой дружбой с высшими государственными деятелями: хранителем королевской печати и секретарем министерства иностранных дел Жерменом-Луи Шовленом, военным министром графом д'Аржансоном, будущим маршалом Франции герцогом Ришелье и др. В том же 1736 г. маркиза познакомила Кантемира со своим родственником — писателем и дипломатом кардиналом Мельхиором де Полиньяком. См.: Строев, А., Кондаков, Д. Русские и датские дипломаты в Парижском обществе: князь Антиох Кантемир и

граф Иоганн фон Бернсторф под надзором полиции // *Quaestio Rossica*. — Т. 7. — 2019. — № 2. — С. 507–524.

⁸ *Андре-Эркюль де Флёрис* (1653–1743) — французский государственный деятель, кардинал. Был воспитателем дофина — будущего короля Людовика XV, впоследствии поставлен им во главе правительства. Фактически руководил внутренней и внешней политикой Франции, обладая гораздо большей властью, чем сам король. Флёрис недоброжелательно и с подозрением относился к Кантемиру как представителю державы, чьи национальные интересы шли вразрез с интересами Франции. В частности Франция была обеспокоена решением польского вопроса, в котором она благодаря вмешательству России потерпела поражение, а также союзом с Австрией. Вскоре по приезду Кантемира в Париж усилиями Флёриса за русским посланником была установлена слежка. Согласно донесениям тайной полиции, Кантемир, со своей стороны, вел себя крайне осторожно, уходя от слежки. Между тем, внешне проявления отношений между кардиналом и русским посланником оставались почтительными.

⁹ *Жан-Жак Амело де Шаю* (1689–1749) — французский государственный деятель. С 1737 по 1744 гг. занимал пост государственного секретаря по иностранным делам (министра иностранных дел) Франции.

¹⁰ «*Lettres sur les Anglais*», более известные под названием «*Lettres philosophiques*», были впервые опубликованы в 1733 на английском языке, тогда как французская версия вышла в свет только через год, сразу попав под запрет. Книга основана на опыте пребывания в Лондоне, продолжавшегося с 1726 по 1728 гг. В работе, состоящей из 24 небольших глав, освещается широкий круг тем, в т. ч. религия, политика, литература, наука, философия. Демонстрируя преимущества общественно-политического устройства Англии, которые выражаются в религиозной терпимости и политической свободе, книга являет собой один из наиболее ранних манифестов Просвещения.

¹¹ Статья В. Г. Белинского (1811–1848) о А. Д. Кантемире была впервые напечатана в «Литературной газете» (№ 6. 1845) под заголовком «Портретная галерея русских писателей. 1. Кантемир» и должна была стать первой из задуманной серии литературных портретов русских писателей. В связи с напряженной журнальной работой и прогрессирующей болезнью замысел «Критической истории русской литературы» не был осуществлен. В статье о Кантемире была дана высокая оценка исторического значения его творчества, с которым связывалось начало формирования сатирического направления в русской литературе, отличающегося оригинальностью и самобытностью.

¹² *Христиан-Фридрих Гросс* (1696–1742) — немецкий ученый, состоял на русской службе. Прибыл в Петербург в 1725 г. С 1726 г. занимал должность профессора нравоучительной философии при Петербургской Академии наук. Некоторое время князь А. Д. Кантемир слушал лекции у Гросса. Впоследствии, находясь за границей, Кантемир поддерживал переписку со своим бывшим наставником и из благодарности принял его брата, Генриха Гросса

(1714–1765), на службу в русское посольство в Лондоне, затем в Париже в качестве личного секретаря.

¹³ *Генрих Иоганн Фридрих Остерман* (в русской традиции — *Андрей Иванович*, 1686–1747) — русский государственный деятель и дипломат немецкого происхождения, сподвижник Петра I. Фактически руководил внешней политикой России при Анне Иоанновне, одновременно участвуя в принятии важнейших политических решений внутри страны.

¹⁴ *Никита Юрьевич Трубецкой* (1699–1767) — российский военный и государственный деятель. Сочувствовал идеям Просвещения, был близок писателям, ученым и общественным деятелям, группировавшимся вокруг Ф. Прокоповича (для их обозначения традиционно используется термин «ученая дружина», под которым подразумевается кружок передовых мыслителей, объединенных общими идейными установками, однако современные исследователи отрицают существование «ученой дружины» как некоего формального объединения). Состоял в тесной дружбе с А. Д. Кантемиром, которому приходился свойственником: родной дядя Никиты Юрьевича князь Иван Юрьевич Трубецкой имел дочь Анастасию Ивановну, которая в 1717 г. вышла замуж за овдовевшего Дмитрия Константиновича Кантемира, став мачехой его сыну Антиоху Кантемиру. В примечаниях к своей Сатире VII «О воспитании» Кантемир свидетельствует о том, что «писана сатира сия к князю Никите Юрьевичу Трубецкому, приятелю нашего стихотворца, который и сам не худые стихи составлял».

¹⁵ *Анна Шарлотта де Крюсоль-Флоренсак, герцогиня д'Эгийон* (1700–1772) — придворная дама, писательница и переводчица с английского языка. Имела репутацию «подруги философов», которых принимала в своем литературном салоне в Париже. Была особенно связана с Мопертюи, Вольтером, Монтескье. В частности именно ей, бывшей рядом во всё время его последней болезни, Монтескье передал последнюю редакцию «Персидских писем». Ее также связывали тесные отношения с Кантемиром, на которые впервые указал его биограф аббат Гуаско в предисловии к французскому изданию «Сатир», подготовленному по инициативе герцогини д'Эгийон. В свою очередь, Кантемир посвятил ей мадригал на французском языке, являющий собой редкий образец «легкой поэзии» в творчестве русского сатирика. Не исключено, что ей же посвящено одно из самых поздних сочинений Кантемира, философский трактат «Письма о природе и человеке» (см.: Grasshoff, H. Antioch Dmitrievič Kantemir und Westeuropa, ein russischer Schriftsteller des 18. Jahrhunderts und seine Beziehungen zur Westeuropäischen Literatur und Kunst. — Berlin: Akademie-Verlag, 1966).

¹⁶ Перевод сатир, выполненный Гуаско в сотрудничестве с Кантемиром — на том, что перевод был осуществлен аббатом Гуаско сначала на итальянский язык при участии автора, а затем переложен им самим с итальянского на французский язык, настаивает сам Гуаско. Между тем, есть основания предполагать, что в переводе участвовали и другие лица. Так, Х. Грассхоф говорит о возможной причастности к переводу братьев Александра и Владимира Сергеевичей Долгоруких, сыновей Сергея Петровича

и Ирины Петровны Долгоруких, печально известных в связи с судебным процессом по делу о тайном переходе в католическую веру. В бытность свою в Париже в 1742 г. Александр и Владимир жили при русском посольстве на улице Сен-Доминик, под протекцией Кантемира, в чьи обязанности как посла входило в том числе наблюдение и оказание необходимого содействия всем подданным Российской империи, бывшим во французской столице. Имена братьев Долгоруких упоминаются в числе переводчиков и атташе, состоявших в 40-е гг. на службе в русском посольстве. Версия о причастности Александра и Владимира Долгоруких к переводу «Сатир» подтверждается сообщением в голландском издании «*Journal universel*» за май 1744 г. Через месяц после кончины князя Кантемира анонимный автор статьи-некролога, говоря о намерении опубликовать сочинение Кантемира, упоминает «перевод итальянскими стихами, сделанный князьями Долгорукими». См.: Cantemir, A. D. *Satyres de M. le Prince Cantemir, avec l'histoire de sa vie, traduites en français*. — Londres: Chez Jean Nourse, 1749; Грассхоф, Х. Первые переводы сатир А. Д. Кантемира // Международные связи русской литературы. — М.; Л., 1963. — С. 101–111; Lozinskij, G. *Le Prince Cantemir et la police parisienne (1741)* // *Le Monde slave*. — 1925. — Т. II. — Р. 223–247.

¹⁷ *Генрих Эбергард фон Шпилькер* (даты жизни не установлены) — немецкий литератор. Перевод «Сатир» Кантемира с французского языка на немецкий был инициирован И. К. Готшедом.

¹⁸ *Кирилл Григорьевич Разумовский* (1728–1803) — российский государственный деятель. Официально занимал пост президента Императорской Академии наук и художеств в Петербурге с 1746 по 1798 гг., а фактически до 1765 г.

Михаил Павлович Алексеев (1896–1981)

Советский литературовед, пушкинист, академик АН СССР, исследователь взаимосвязей русской и западноевропейских литератур, по общему мнению знакомых с его научной деятельностью — ученый-энциклопедист, имевший международное признание.

В 1934 г. Михаил Павлович становится старшим научным сотрудником Пушкинского дома (ИРЛИ АН СССР), с которым будет связана вся его последующая деятельность: заместитель директора по научной работе (1950–1963), заведующий сектором пушкиноведения (1955–1957), с 1956 г. до конца жизни возглавлял сектор взаимосвязей русской и зарубежной литератур. Его заслуги в отечественной науке находят признание в нашей стране: с 1956 г. он — бессменный председатель Пушкинской комиссии при Отделении литературы и языка АН СССР, с 1956 г. входит в состав Советского комитета славистов при АН СССР, а с 1970 г. — его председатель. Его имя широко известно за рубежом и с 1958 г. он — председатель, а с 1970 г. — вице-президент Международного комитета славистов. Ему присвоено звание доктора *honoris causa* в Ростокском (1959), Оксфордском (1963), Парижском